

УДК 903.5

С.Ю. Гуцалов

Челябинский научный центр УрО РАН
 ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия
 E-mail: stepewolf-59@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОЧЕВОЙ ЭЛИТЫ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ СЕРЕДИНЫ I ТЫС. ДО Н.Э.

Выгодное положение Южного Приуралья в Евразии способствовало сложению здесь в I тыс. до н.э. самобытной и яркой культуры, о которой у исследователей сложилось неоднозначное представление. Одни вслед за Б.Н. Граковым [1947] считают, что с VI до начала IV в. до н.э. существовала савроматская (бломенфельдская) культура, которую в IV–II вв. до н.э. сменила раннесарматская (прохоровская) [Смирнов, 1964; 1975; Мошкова, 1974; и др.]; другие же говорят о единой прохоровской культуре с VI по I в. до н.э. [Пшеничнюк, 1983; 1995, с. 95–96; Таиров, Гаврилюк, 1988, с.151; Таиров, 1998; Гуцалов, 2004; и др.].

В настоящий момент в регионе ведутся полевые археологические исследования, связанные с изучением культуры древнихnomadov*. Предварительная публикация материалов раскопок уже состоялась в ряде изданий Республики Казахстан [Сдыков, Гуцалов, Биссембаев, 2003; и др.].

Памятники находятся на левобережье р. Урал (рис. 1). Могильник Есен-Амантау (Лебедевка II), расположенный на одноименном плато в 7 км к за-

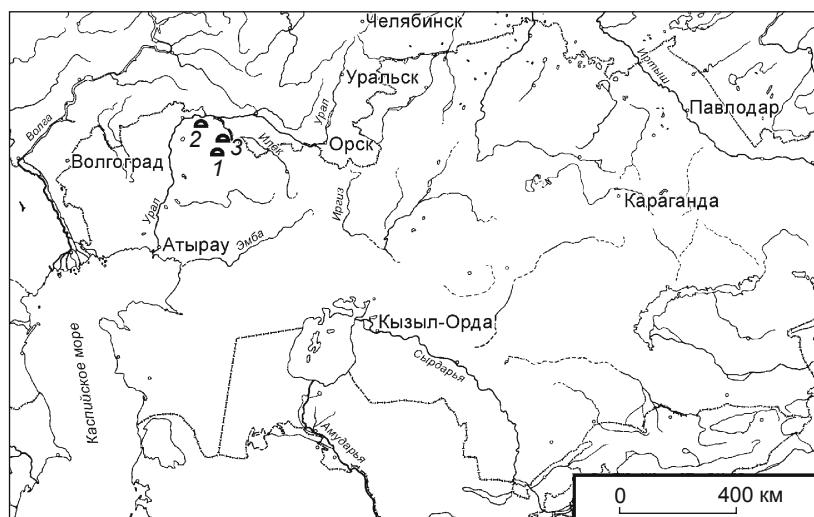

Рис. 1. Расположение рассматриваемых памятников.
 1 – Лебедевка II, III; 2 – Кырык-Оба II; 3 – Илекшар I.

падо-юго-западу от пос. Лебедевка и в 9 км к северу от пос. Егендыколь*, состоял из 37 археологиче-

*Археологические изыскания в урочище Сегизсай начались в конце 60-х гг. XX в. работами краеведа Г.И. Багрикова. Исследования на могильнике Лебедевка I Археологической экспедиции Уральского государственного педагогического института им. А.С. Пушкина (УГПИ) и Института археологии АН СССР под руководством Г.А. Кушаева и М.Г. Мошковой подтвердили перспективность археологических разысканий в этом районе [Мошкова, Кушаев, 1973]. Во второй половине 70-х – начале 80-х гг. ХХ в. на данном плато велись раскопки курганов археологической экспедицией УГПИ под руководством М.Г. Мошковой, Б.Ф. Железчикова и В.А. Кригера.

*Автор благодарен директору Центра истории и археологии Западно-Казахстанской обл. М.Н. Сдыкову за организационное обеспечение раскопок и начальнику отряда А.А. Биссембаеву за любезно предоставленную возможность публикации данных материалов.

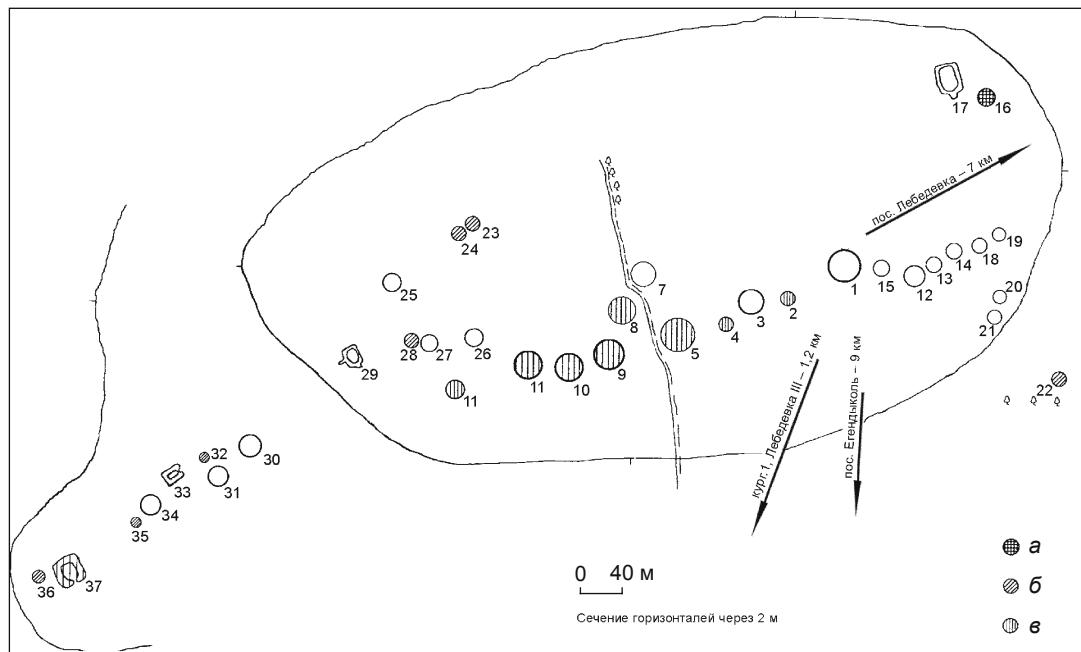

Рис. 2. План могильника Есен-Амантау (Лебедевка II).
 а – в – раскопанные курганы: а – Г.И. Багриковым, б – Б.Ф. Железчиковым, в – Западно-казахстанской комплексной археологической экспедицией в 2002 г.

Рис. 3. Находки с плато Есен-Амантау.
 1 – бронзовое зеркало; 2, 4 – серьги; 3 – пробка от сосуда; 5, 6 – бусы; 7, 8 – нашивные бляшки; 9 – вток.
 2, 4, 6–8 – золото; 3 – золото и стекло; 5 – янтарь; 9 – кость.
 1–3, 5–8 – Лебедевка II, кург. 6; 4 – Лебедевка II, кург. 9; 9 – Лебедевка III, кург. 1.

Рис. 4. Вид на кург. 6 могильника Есен-Амантау (Лебедевка II) с запада. Фото С.М. Арканова.

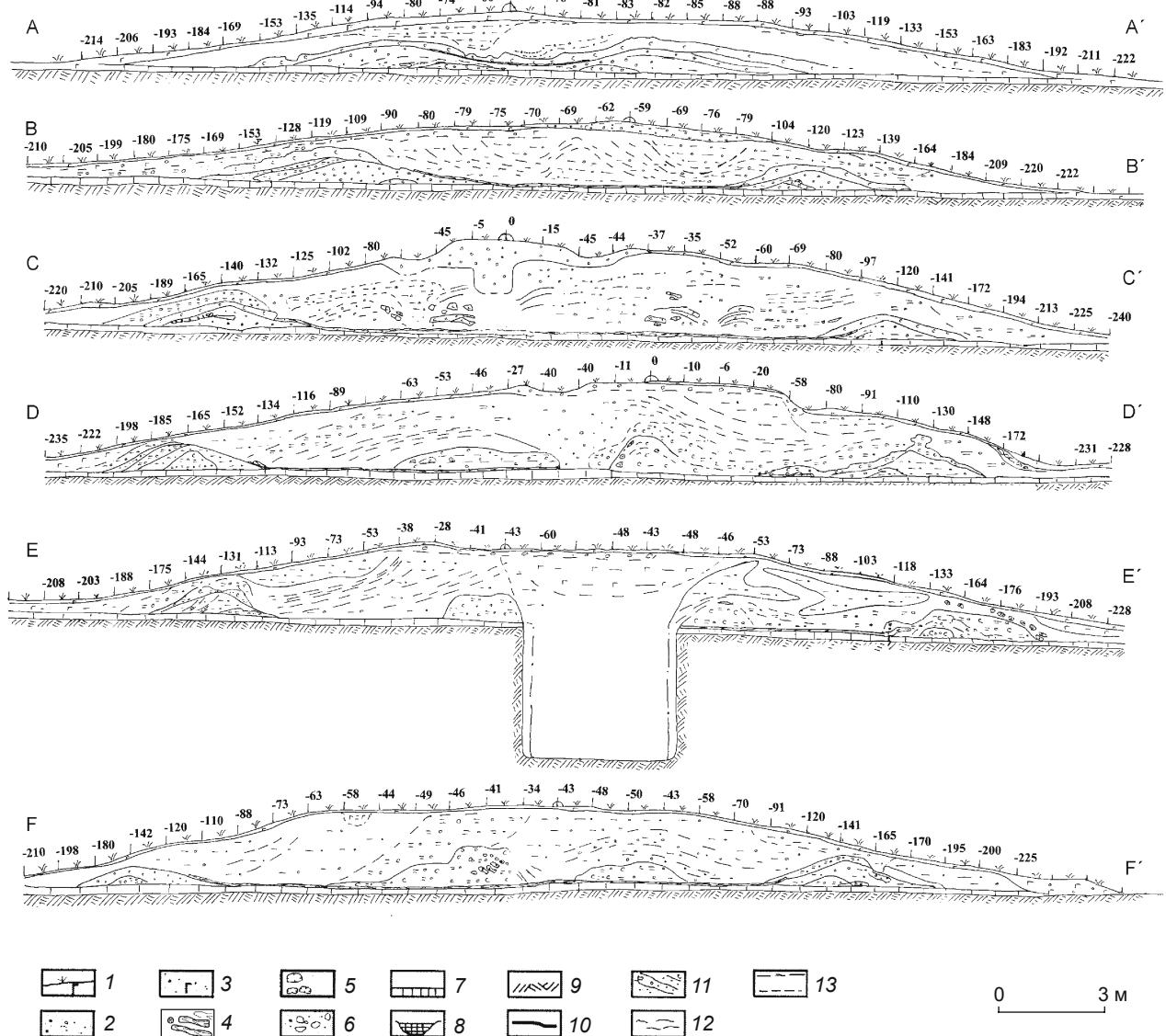

Рис. 5. Стратиграфические профили. Могильник Есен-Амантау (Лебедевка II), кург. 6.

1 – гумус; 2 – суглинок; 3 – гумусированный суглинок (выкид); 4 – грунтовая подушка; 5 – глиняные блоки; 6 – развал глиняных блоков; 7 – погребенная почва; 8 – гумусное заполнение ровника; 9 – материк; 10 – слой материковой глины; 11 – развалы сооружения; 12 – древнейший курган; 13 – границы древнейшего ровника.

ких объектов, растянувшихся по линии запад – восток на расстояние более 1 км (рис. 2). По размерам и сложности погребальных конструкций, богатству инвентаря выделяются курганы диаметром 25–40 м и высотой 1,5–2,5 м. Среди них преобладают разграбленные курганы. Стоит отметить, что в кург. 9 к югу от могилы был погребен головой на север взнузданный конь, а среди инвентаря погребения найдена золотая височная серьга с ромбическими подвесками (рис. 3, 4).

Детально особенности погребального обряда прослежены при изучении крупнейшего курга-

на 6*, занимавшего центральное место в группе. Насыпь была полусферической формы диаметром 30 и высотой 2,25 м (рис. 4, 5).

Погребальное сооружение реконструируется как двухкамерный склеп квадратной в плане формы; внешняя камера – 22 × 24 м, внутренняя – 17 × 17 м. Внешние стены шли по краю погребальной площад-

*Автор признателен научному сотруднику Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН С.Г. Боталову за руководство раскопом на данном кургане.

ки, а внутренние – у среза могильной ямы. Сырцовые стены возводили прямо на деревянном помосте, причем внутренние были сложены из блоков средних и мелких размеров. Склеп окружал вал высотой до 0,6 м, на который сверху укладывались массивные блоки, чередующиеся с тонкими слоями желтой глины. Ширина вала 1–4 м (рис. 6).

В центре был бревенчатый накат, перекрывавший могильную яму по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток; поперек бревен, опиравшихся на центральную балку, – наброс из веток. Могила имела прямоугольную форму меридиональной ориентации размерами 4,5 × 6,5 м. Вверху она была заполнена

слежавшимися кусками мела (обрушившимися стены). От уровня погребенной почвы и до дна фиксировались остатки деревянной конструкции. Яма глубиной 3,8 м от уровня погребенной почвы по дну имела размеры 4,2 × 4,6 м. В центре на органической подстилке лежал скелет человека, погребенного на спине головой на запад с отклонением к югу, с руками, вытянутыми вдоль туловища, ногами, возможно, согнутыми в коленях (рис. 7, I), накрытый тростником. В северо-восточном углу могилы обнаружены кости нескольких особей крупного рогатого скота (КРС) и скелет овцы, южнее – ребра КРС и железный нож.

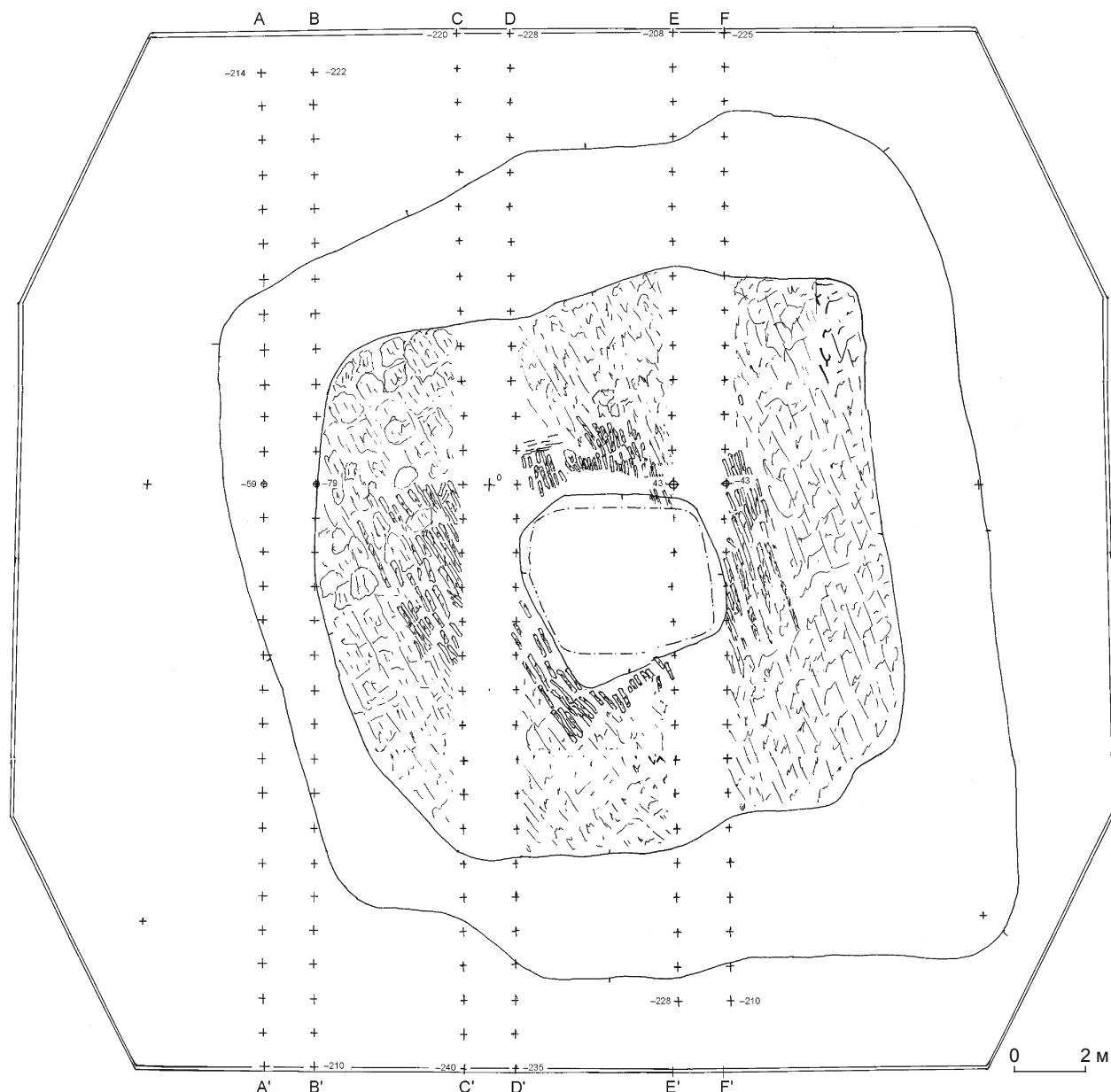

Рис. 6. План раскопа и подкурганной конструкции. Могильник Есен-Амантау (Лебедевка II), кург. 6.

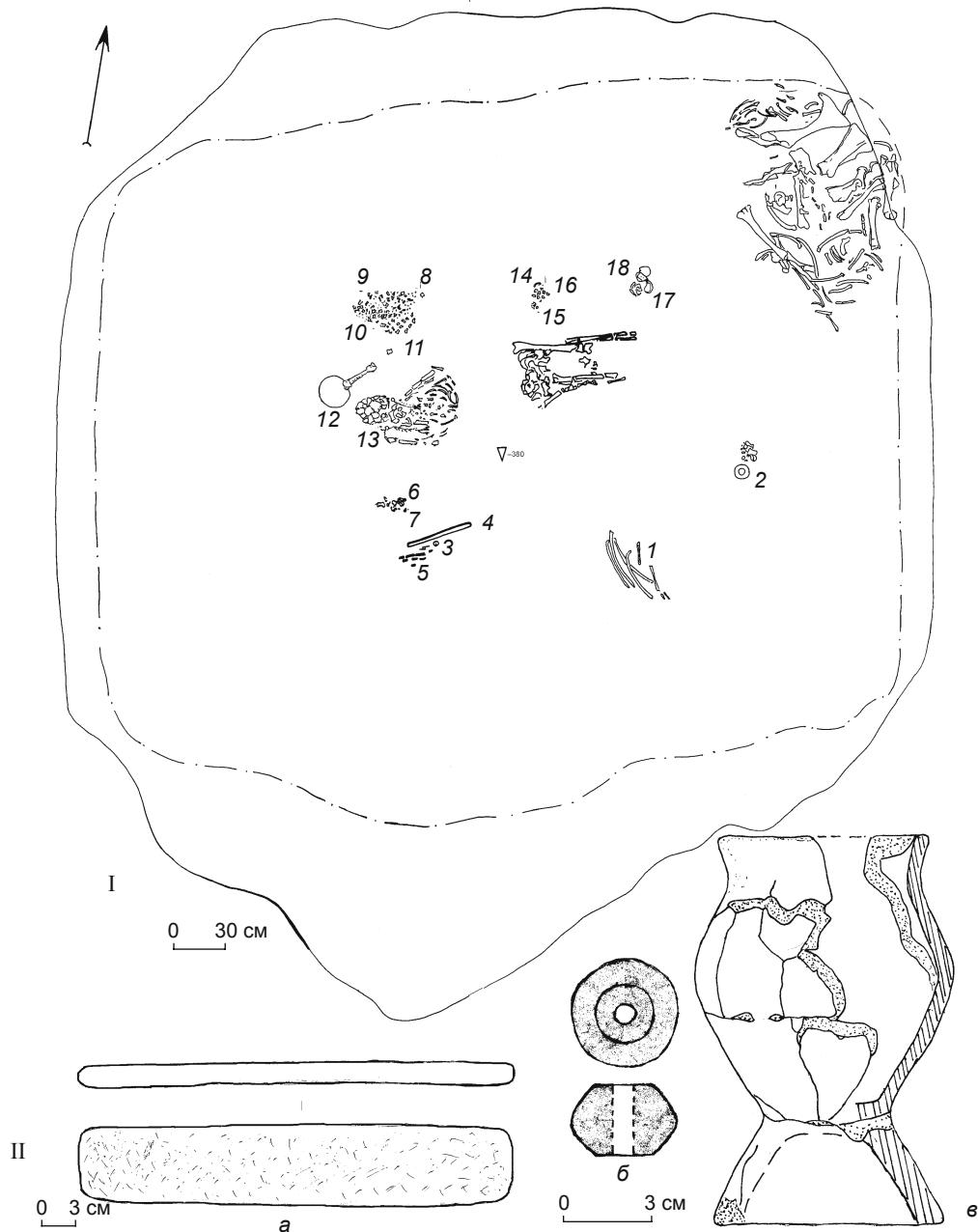

Рис. 7. План погребения (I) и инвентарь (II). Могильник Есен-Амантау (Лебедевка II), кург. 6.
 1 – железный нож; 2 – глиняный сосудик; 3 – прядище; 4 – оселок; 5 – железный нож (?); 6 – золотая бусина; 7 – стеклянный сосудик; 8 – бусинки; 9 – золотые бляшки; 10 – зеленая пастовая бусина; 11 – оковка деревянного предмета; 12 – бронзовое зеркало; 13 – бусина; 14 – стеклянная чашечка, покрытая лаком; 15 – минеральное вещество; 16 – железные гранулы; 17 – ритуальные камни; 18 – раковина *Gryphaea* с охрой внутри.
 а – оселок, б – глиняное прядище; в – глиняный сосудик.

Возле черепа погребенного находилось конусовидной формы скопление золотых бляшек и бусин различного цвета и формы (остатки головного убора) (см. рис. 3, 7, 8); по бокам – две массивные золотые подвески (см. рис. 3, 2); к северо-западу от него – бронзовое зеркало с рукоятью, оформлен-

ленной в зверином стиле (см. рис. 3, 1); в области шеи – стеклянные бусины и золотые бляшки круглой формы; в районе груди – девять золотых бусин грушевидной формы (см. рис. 3, 5, 6); возле костей ступней – россыпь бус. Вокруг черепа обнаружены кусочки красной краски. Правее его находился

Рис. 8. Предметы быта, украшения и ритуальные предметы.

1 – распределительная бляха с изображением сцены терзания хищниками копытного животного;
2 – ритуальные предметы: глиняные фланк и шкатулка, каменная ступка; 3 – стеклянные сосуды;

4 – золотые украшения: височные подвески и гравна.

1 – могильник Илекшар I, кург. 1; 2, 4 – могильник Кырык-Оба II, кург. 23; 3 – могильник Лебедевка II, кург. 6.

сосудик из темно-синего стекла, орнаментированный чередующимися белыми и коричневыми волнистыми линиями (рис. 8, 3). Другой стеклянный сосудик (рис. 8, 3) лежал слева от таза. Устье его закрывала золотая пробка на золотой цепочке с бусинкой синего цвета на конце (см. рис. 3, 3). Рядом обнаружены кусочки темной краски с вкраплениями перламутра. Против берцовых костей находились овальная галька, раковины *Griphaea*, одна из которых была заполнена красной краской. В ногах погребенного стоял лепной ритуальный сосудик биконической формы (см. рис. 7, II, 6). Справа, на уровне грудной клетки – оселок (см. рис. 7, II, a), глиняное пряслище биконической формы (см. рис. 7, II, б) и железный предмет (нож?).

Некрополь **Кырык-Оба II** растянулся по линии запад – восток на расстояние до 3 км на обширной равнине в 10 км к югу от русла р. Урал, в 5 км к северу от “царского” могильника Кырык-Оба. Состоял из 30 земляных курганов, большая часть которых была повреждена в ходе современных хозяйственных работ (рис. 9). Раскопано 11 объектов и повторно исследованы еще 4, вскрытые в предыдущие годы археологической экспедицией ИА МОН РК. Диаметр курганов 30–42 м, высота

1,0–2,5 м. Все они разграблены – в могилах встречались разрозненные кости человеческих скелетов и немного предметов: фрагменты железных мечей, лепных сосудов, золотые и серебряные оковки деревянных сосудов и пр. Но в сохранившихся периферийных погребениях представлен многочисленный инвентарь.

Благодаря воздействию огня на погребальные конструкции сразу после проведения ритуальных церемоний сырцовые кирпичи спеклись, поэтому удалось установить, что над могилами возводились глиняные склепы различной формы размерами по периметру ок. 10 × 10 м. Стены шириной в 1 м, сохранившиеся на высоту до 1,5 м, выкладывались в четыре кирпича. К типичным признакам погребального обряда также относятся: глиняные валы вокруг курганов (рис. 10, 11); одиночные захоронения взнужденных коней, уложенных головой на север, к югу от могил; клады уздечек под западной полой; остатки тризин (кости лошадей, крупного (в основном лопатки и тазовые) и мелкого рогатого скота, фрагменты сосудов) на периферии курганов.

Особенности могильника следующие:

1) наземные деревянные сооружения как шатрового, так и срубного типа;

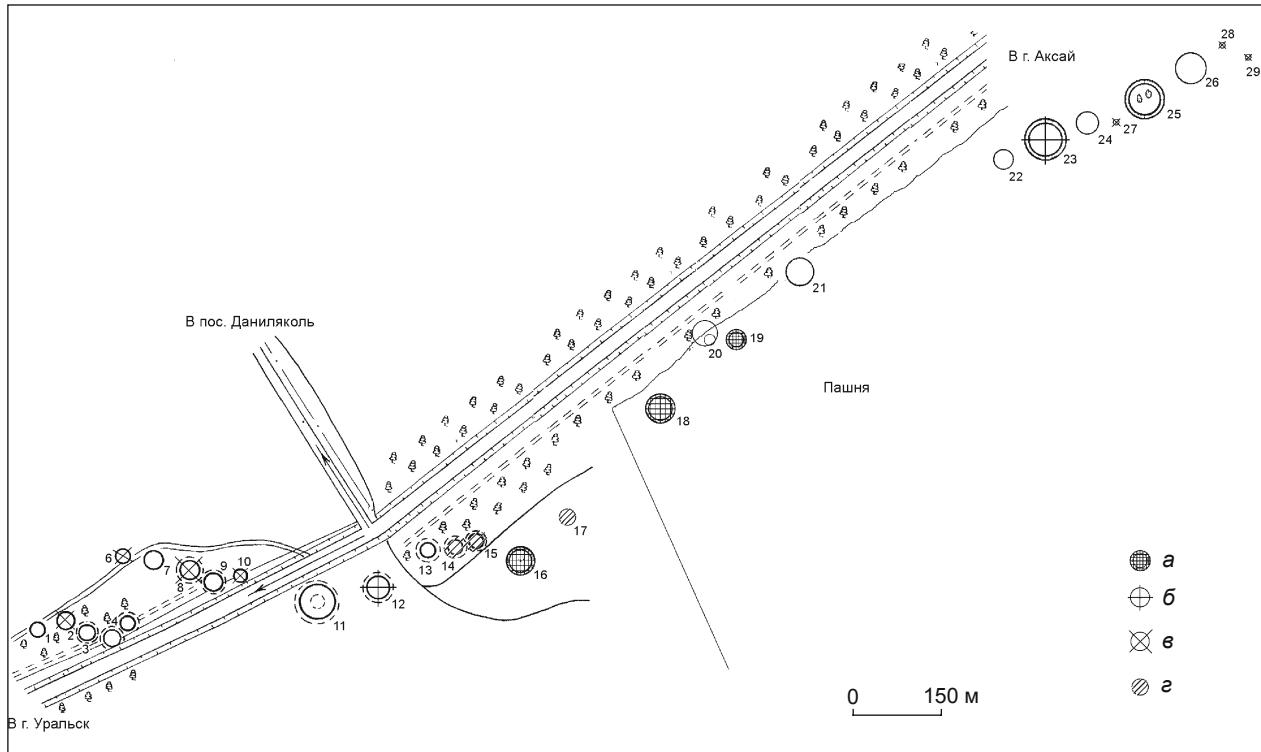

Рис. 9. План могильника Кырык-Оба II.
а – г – раскопанные курганы: а – в 2002 г., б – в 2003 г., в – в 2004 г., г – в 2005 г.

2) в отдельных ямах сохранились остатки опорных деревянных столбов;

3) могилы квадратные, широкие прямоугольные с дромосом к югу (рис. 10, 11), а также круглые;

4) коллективное погребение на древней поверхности (кург. 18) с захоронениями стражников в равноудаленных от центра могилах* и детским захоронением на восточной периферии;

5) жертвоприношение на вершине кург. 18: на глубине 0,5 м компактно располагались черепа и отдельные кости четырех людей;

6) оригинальные уздечки, отдельные предметы почти в каждом из комплектов не имеют аналогов в скифских древностях Евразии (рис. 12, 13);

7) богатый набор ритуальных предметов (см. рис. 8, 2) вкупе с золотыми украшениями (см. рис. 8, 4) из кург. 23;

8) ритуальные комплексы в кург. 18: а) в южном рву – лепной горшок с сотней ритуальных галек, на крытый сверху костью лошади и окруженный костями КРС, черепом и лопатками лошади; б) под южной полой в неглубокой ямке – три комплекта уздечек, включавших шесть бронзовых псалиев, восемь круглых бляшек, крупную бляху в виде свернувшегося в

кольцо хищника семейства кошачьих с волчьей мордой, шесть нащечников с изображением волка и хищной птицы (см. рис. 12, I);

9) вход в могилу кург. 12 закрывало захоронение гигантской собаки [Джубанов, 2004].

Кроме того, на могильнике раскопано т.н. святилище [Курманкулов, Ишангали, Раймкулов, 2002]*.

Курганный некрополь **Илекшар I** расположен на второй речной террасе у поймы р. Илек в 1,5 км к востоку от аула Ульгули. Состоял из 16 курганов, вытянутых вдоль русла по цепочке длиной 420 м (рис. 14).

Курган 1 полусферической формы, высотой 5 м, диаметром 48 м – крупнейший в группе. На его вершине воронка диаметром до 25 м и глубиной более 1 м. Вокруг кургана – ров диаметром 12 м, глубиной до 1 м. Могильный склеп имел в плане квадратную форму, размеры примерно 36 × 36 м; на погребенной почве был настил из тонких плах шириной ок. 15 см. Судя по меньшей мощности развала из саманных блоков в южной части центральной бровки, там предположительно находился проход в могильную яму (рис. 15).

*Повторным исследованием установлено, что в кург. 8 находились два каменных антропоморфных изображения, на которые во время раскопок 2001 г. не было обращено внимание.

*Выкид из этих могил располагался над валом, окаймляющим погребальную площадку.

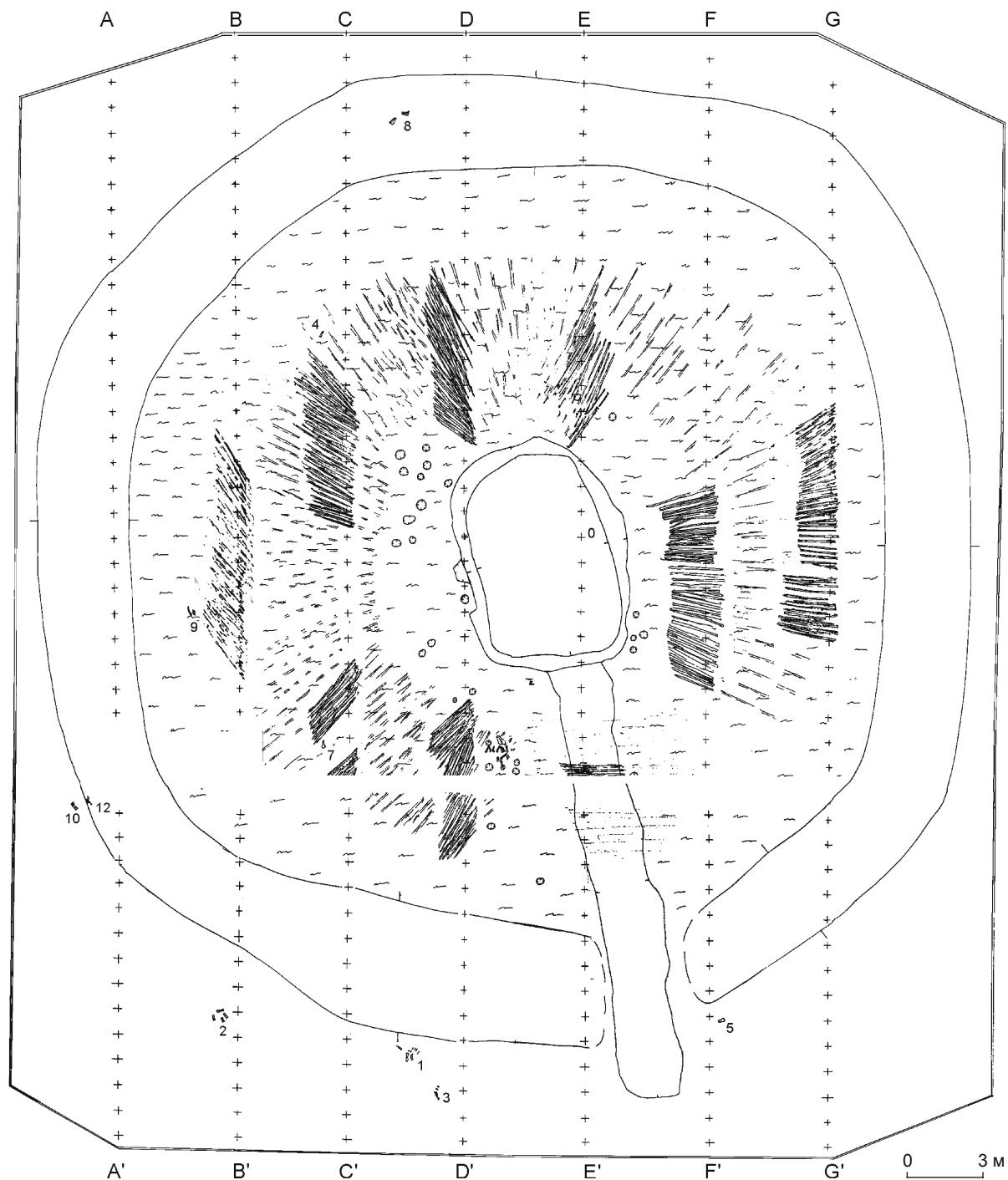

Рис. 10. План раскопа и подкурганной конструкции. Могильник Кырык-Оба II, кург. 16.

Основное погр. 4 выялено в центре кургана. Яма ($8,2 \times 8,3$ м), имевшая вид пятиступенчатой пирамиды, обращенной вершиной вниз, с уступами по углам, была ориентирована сторонами по странам света с отклонением в 30° . Ширина ступенек 20–40 см, высота – 15–25 см. Глубина ямы 1,5 м от уровня погребенной почвы. На дне в беспорядке лежали

человеческие кости и инвентарь: бронзовые наконечники стрел, железные панцирные пластинки, фрагменты лепного сосуда и кости мелкого рогатого скота (МРС). За пределами могилы у южной стенки располагались скелеты двух лошадей, погребенных головой на север (рис. 15, III). Между челюстями обеих обнаружены железные удила и бронзовые псалии,

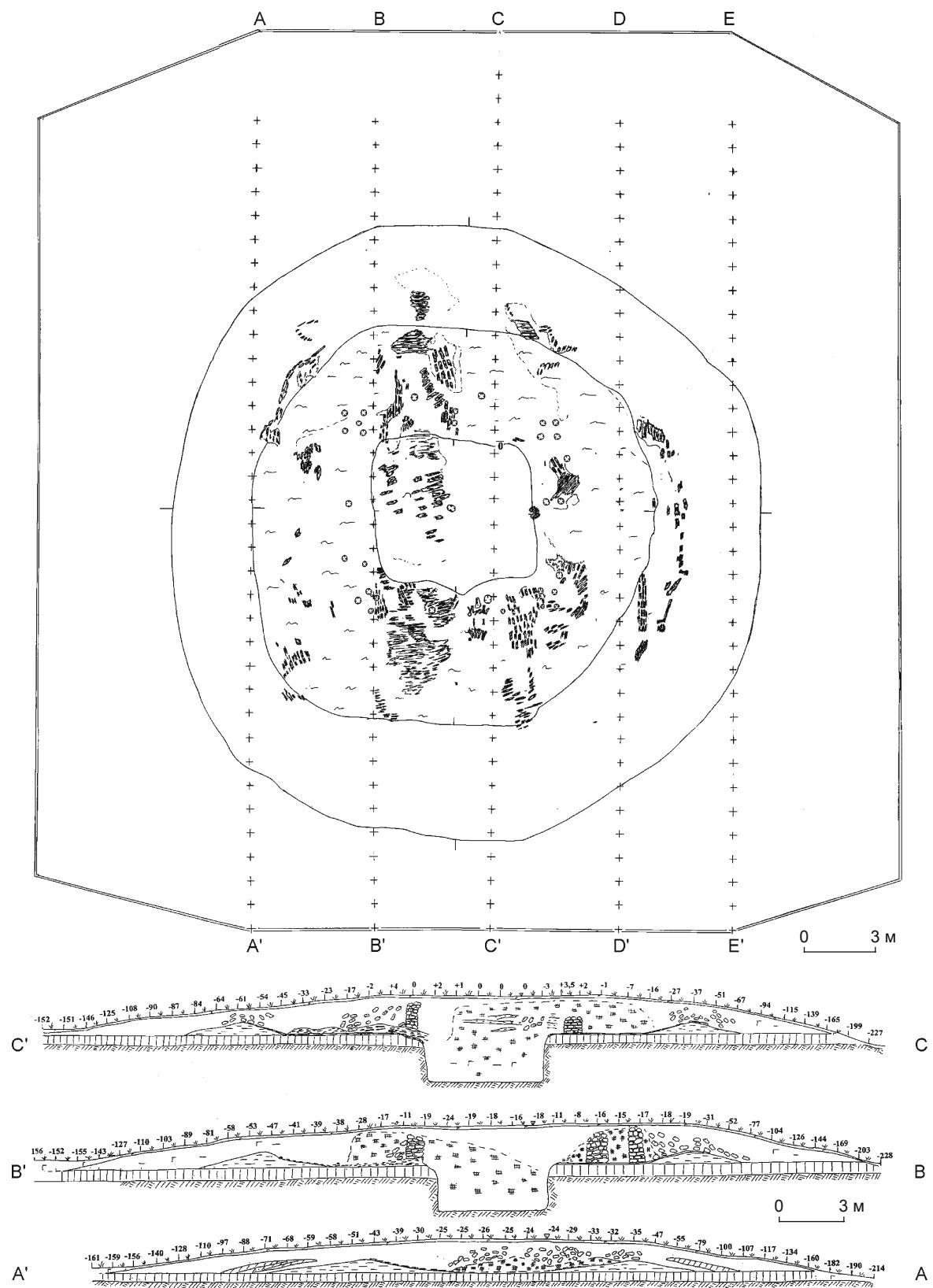

Рис. 11. План раскопа и подкурганной конструкции, стратиграфические профили.
Могильник Кырык-Оба II, кург. 19.

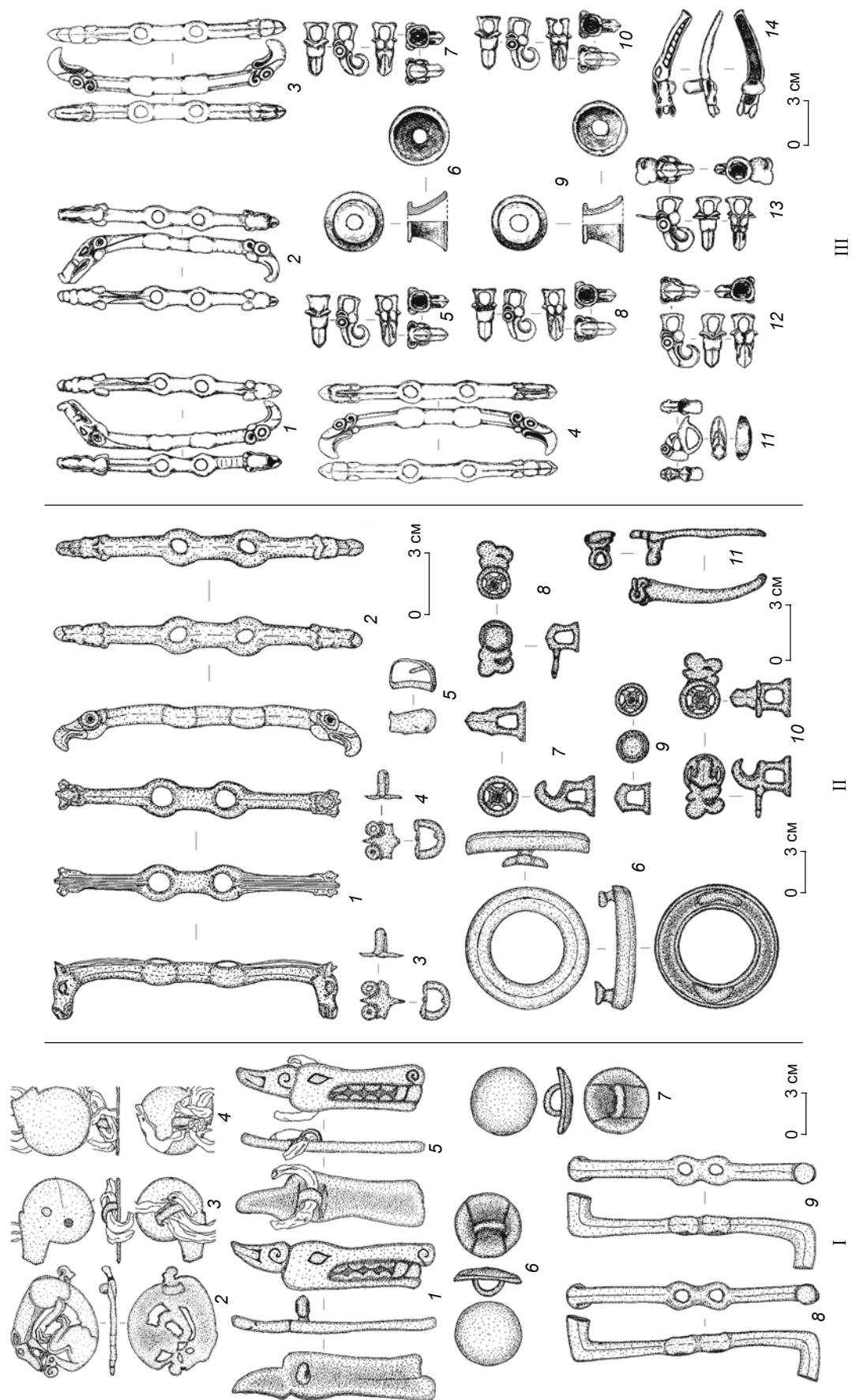

Рис. 12. Бронзовые узлочные наборы.
I – кург. 18; II – кург. 16; III – кург. 12.

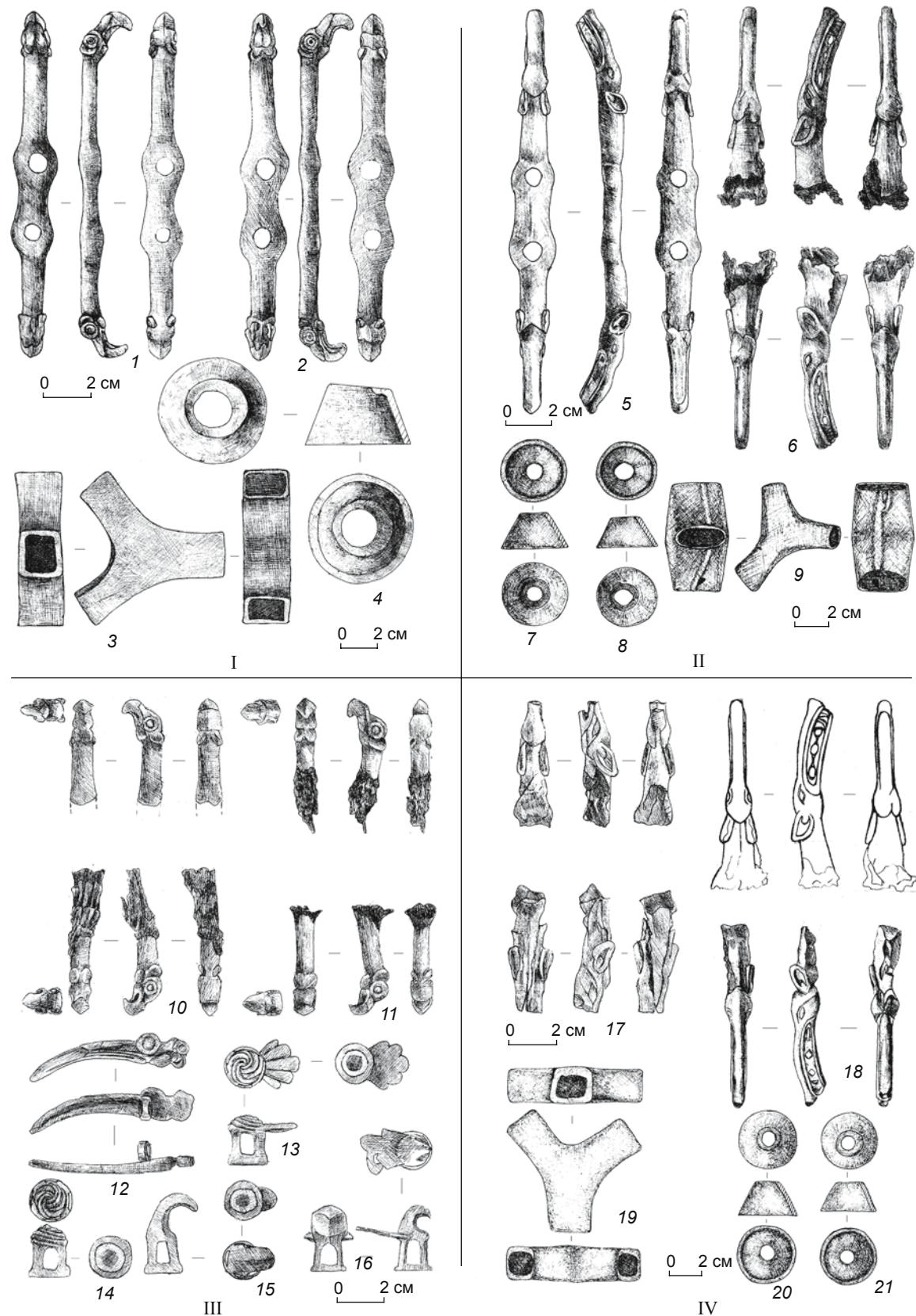

Рис. 13. Уздечные наборы. Могильник Кырык-Оба II, кург. 15.
1-5, 7-9, 12-16, 19-21 – бронза, 6, 10, 11, 17, 18 – железо и бронза.

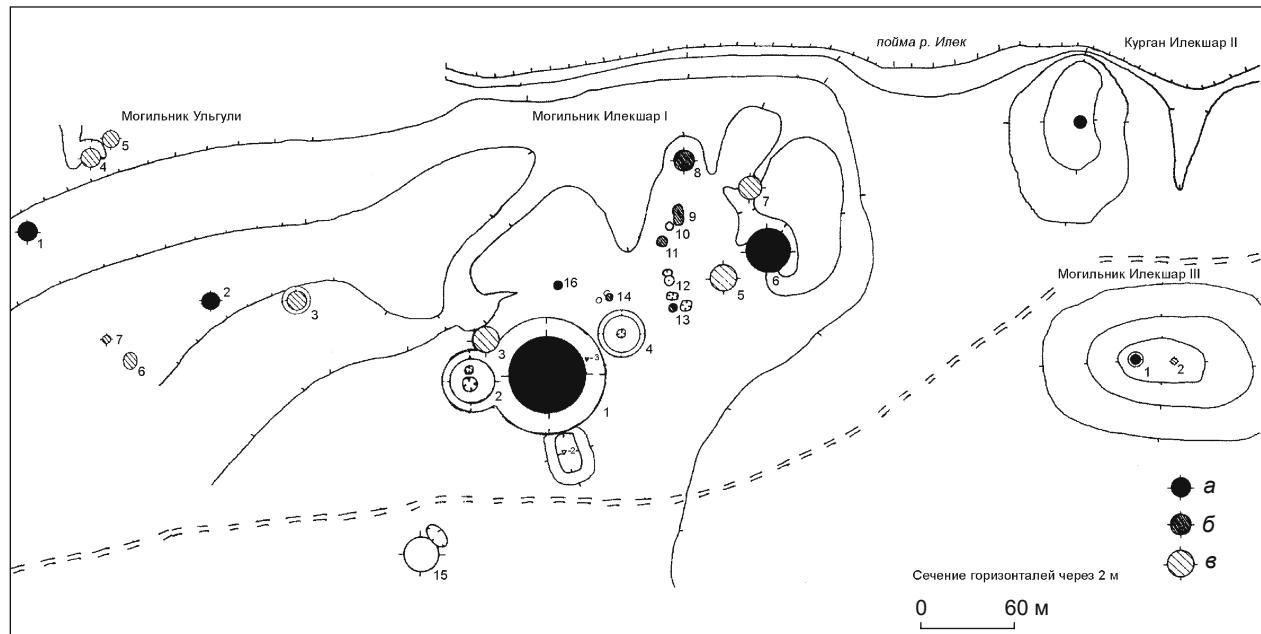

Рис. 14. Ситуационный план могильника Илекшар I.
а – в – раскопанные курганы: а – в 2001 г., б – в 2003 г., в – в 2004 г.

рядом – бронзовые и железные пронизи (рис. 15, II). Под ребрами найдены бронзовые распределительные бляхи, выполненные в зверином стиле (см. рис. 8, I).

В кургане 5 высотой 1,25 м, диаметром 31 м по бровкам под гумусом в слое плотного белого суглинка обнаружены крупные глиняные блоки размерами до 20×30 см, разделенные прослойками гумуса, на периферии – глиняный вал (рис. 16, II). Кроме того, отмечены остатки погребального сооружения эпохи бронзы, разрушенного в скифское время.

Позднее сооружение, смещеннное к юго-западу от условного центра, представляло собой прямоугольный сруб размерами 5×7 м, ориентированный по линии западно-юго-запад – востоко-северо-восток, перекрытый накатом (рис. 16, I). Основу его составляли столбы, располагавшиеся в 1 м друг от друга на погребальной площадке: зафиксированы парные круглые ямки (18 шт.) диаметром 20–25 см, углубленные в материк на 10–15 см. Площадка была устлана слоем (до 5 см) коры. В 1–3 м от ее края находился глиняный вал шириной 2–6 м, высотой 0,25–0,35 м с разрывом в южной части до 10 м.

К данной конструкции приурочен комплект конской узды (бронзовые псалии, железные удила и семь бронзовых пронизок) (рис. 16, III, 2, 3). Рядом найдены трубчатые кости лошади, верхняя челюсть кабана (?), нижняя челюсть лошади, кости МРС (позонки, ребра, трубчатые), трубчатая кость КРС.

Обнаружены четыре погребения. Причем погр. 1, 2 и 4 были совершены на описанной площадке, а

древнейшее погр. 3 располагалось восточнее остальных, и его перекрывал глиняный вал более поздней постройки*.

Погребение 1 было на древней поверхности в северо-восточном углу площадки. Скелет человека лежал на подстилке из бересовой коры в вытянутом положении с заваливанием на правую сторону, черепом на восток – юго-восток. К юго-востоку от черепа обнаружено бронзовое зеркало с широким диском и рукоятью с грибовидным окончанием (рис. 16, III, 4), под ним – раковина *Griphaea* со следами охры. В области шеи найдены бусы (15 шт.). В ногах погребенного находился каменный жертвенник на трех круглых ножках с резным орнаментом по бордюру (рис. 16, III, 1), рядом – два бронзовых наконечника стрел.

Погребение 2 обнаружено в западной половине кургана на уровне погребенной почвы. Скелет человека лежал на подстилке из коры в вытянутом положении с заваливанием на правую сторону, черепом на юго-запад.

Погребение 4 было совершено в срубе. Могильная яма прямоугольной формы размерами $2,4 \times 3,45$ м, ориентированная по линии запад – восток, перекрывалась деревянными (береза и тополь) плахами в поперечном направлении. Глубина могилы 24 см от уровня погребенной почвы. В заполнении встречались угольки. В центре ямы, у западной стенки и

*Ввиду того, что погр. 3 относится к эпохе бронзы, его описание не приводится.

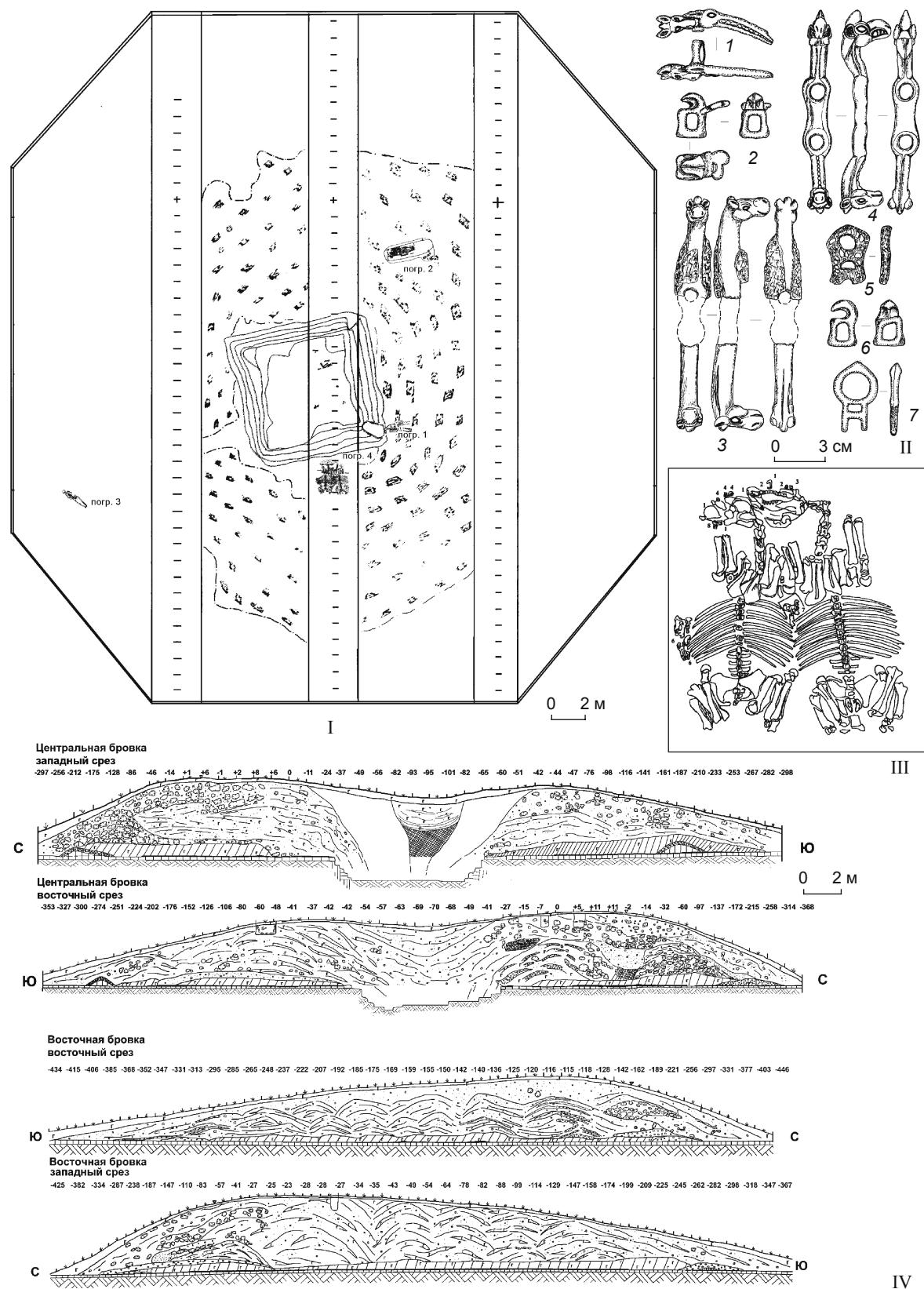
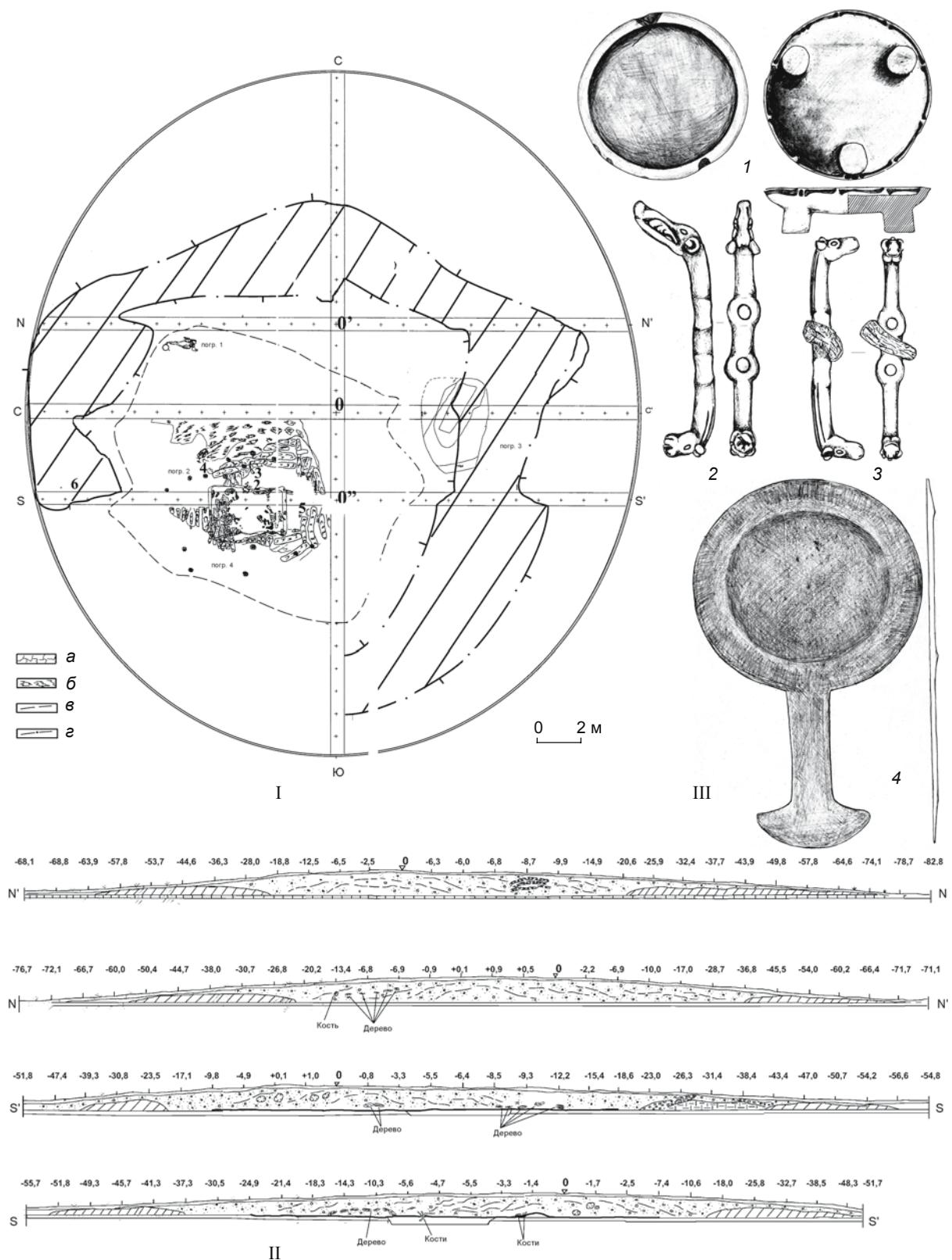

Рис. 15. Курган 1 могильника Илекшар I.

I – план раскопа и подкурганной конструкции; II – узделчный набор: 1, 3, 5–7 – бронза, 2 – бронза и железо; III – план захоронения коней; IV – стратиграфические профили.

Rис. 16. Курган 5 могильника Илекшар I.
 I – план раскопа и подкурганной конструкции: **а** – деревянные плахи; **б** – кора; **в** – граница деревянной конструкции; **г** – граница глиняного вала; II – стратиграфические профили; III – инвентарь: 1 – погр. 1; 2, 3, 4 – насыпь.

вблизи северо-восточного угла найдены череп и другие кости человека; у северной стенки на погребенной почве – фрагменты железного меча.

Рассмотренные погребения относятся к первой половине V в. до н.э., на что указывают обряд и инвентарь. (С конца VI – V в. до н.э. в приуральских степях получают широкое распространение железные мечи с брусковидными навершиями и бабочковидными перекрестьями, плоскодонные лепные горшки с трубчатыми носиками [Смирнов, 1961; Гуцалов, 2004], предметы конской узды [Смирнов, 1961] и прочий вешевой материал (стеклянные бусы, золотые подвески и нашивные бляшки и др.) [Смирнов, 1964].)

Курганы в целом однородны по погребальному обряду: в центре площадки находилась могильная яма, перекрытая мощной деревянной конструкцией, опиравшейся на вал из гравия и белой либо желтой глины, насыпанный на древней поверхности. У края могилы и на вершине глиняного вала прослежены остатки стен из кирпича-сырца либо самана. Они фиксировались по бровкам в виде напластований, создавая иллюзию насыпи. Большая часть кирпичей сваливалась внутрь погребальной конструкции, что наводит на мысль о наличии какого-то перекрытия, возможно глиняного свода, под тяжестью которого стены обрушились к центру. В частности, подобную форму погребальной конструкции можно предполагать в курганах могильника Лебедевка II. В Кырык-Обе, вероятно, глиняный свод отсутствовал, т.к. там прослежены остатки деревянных шатров, опиравшихся на столб, установленный в центре ямы. В кург. 19 этого могильника верхний уровень заполнения могилы состоял из стерильного желтого песка, поэтому можно предположить, что яма длительное время заполнялась наносным песчаным грунтом.

В литературе общепринятыми для обозначения наземного погребального объекта являются термины “курганная насыпь”, “насыпь”. Хотя еще М.П. Грязнов считал, что курганы являются лишь остатками сооружений, первоначальный вид которых разительно отличался от их современного облика, и за типичным курганом скрываются качественно разнородные сооружения, разрушившиеся в результате климатических и тектонических процессов [1961, с. 22–25]. Характерно, что на сакском могильнике Бесшатыр в Семиречье погребения совершали в деревянных срубах [Акишев, Кушаев, 1963]. Рассмотренные объекты представляют собой сооружения, сложенные из глиняных кирпичей. При этом они обнаруживают сходство с сырцовыми мавзолеями Приаралья сакской эпохи [Итина, Яблонский, 1997]. Показательно, что сразу в трех некрополях, удаленных друг от друга на сотни километров, синхронные захоронения совершались в земляных склепах и следов насыпи в них не зафиксировано.

Деревянные погребальные конструкции на могильнике Кырык-Оба II сжигали уже после совершения погребальных ритуалов, некоторое время спустя. Так, в кург. 15–19 зафиксированы остатки мощных костров. В результате термического воздействия стены склепов теряли прочность и разваливались. При этом могильные ямы оказались засыпанными руинами земляных сооружений. Почти все кости погребенных в раскопанных курганах не подверглись воздействию огня. Такое было бы невозможно, если бы костер был разведен в процессе обряда захоронения.

Историко-культурная специфика некрополя Кырык-Оба II проявилась в вариативности погребального обряда и конской узды. Сходную ситуацию в кургане Аржан М.П. Грязнов объяснил тем, что узденческие наборы, обнаруженные там, принадлежали представителям разных племен, захороненным вместе с “царем” [1980, с. 49–50]. Возможно, и на могильнике Кырык-Оба II похоронены представители родоплеменной знати, издалека свезенные к месту своего упокоения у могил южноуральских владык. Подобное отношение к могилам “святых” до сих пор наблюдается у кочевников. Так, в Западном Казахстане мавзолей XIV–XV вв. Абат-Байтак в настоящий момент окружен современными погребениями представителей разных казахских родов и племен.

При наличии общих черт в погребальном обряде исследованные могильники по целому ряду признаков отличаются друг от друга, что было показано выше. Существовала и значительная разница в обряде “бедных” и “богатых” захоронений. Помимо различия в размерах курганов и могил, проявились многие элементы, типичные, с одной стороны, для аристократии, а с другой – для рядового населения. К признакам захоронений элиты относятся: мощные надмогильные деревянные сооружения, человеческие жертвоприношения, захоронения в насыпях лошадей, погребения на уровне древнего горизонта, двухкамерные склепы, коллективные захоронения с ортогональной ориентировкой покойников. При этом стражников или воинов чаще ориентировали головой на юг [Таиров, Гаврилюк, 1988, с. 151]. Для могил знати характерно большое количество инвентаря, в т.ч. престижного. Погребения рядовых скотоводов отличает простота могильных конструкций, незначительные размеры могил, западная ориентировка умерших и пр.

Поиск аналогов привел нас к отдаленным регионам. Так, курганы Лебедевки близки памятникам савроматской культуры Нижнего Поволжья VI–IV вв. до н.э., для которых характерны накаты в качестве деревянных курганных конструкций, простые могильные ямы, западная ориентировка погребен-

ных [Очир-Горяева, 1987]. Параллели с савроматской (блюменфельдской) культурой имеются и в инвентаре. Так, в кург. 1 могильника Лебедевка III был обнаружен костяной вток (см. рис. 3, 9), наиболее сходный с аналогичным предметом из могильника Блюменфельд [Смирнов, 1989, табл. 66, 12].

Курганы Кырык-Обы по ряду признаков (столбовые конструкции, следы огня, коллективные захоронения на погребенной почве) сходны с раннесакскими памятниками Приаралья [Вишневская, 1973]. Кстати, аналог парадного меча, найденного в погребении кург. 18, имеется в материалах могильника Тагискен [Итина, Яблонский, 1997, рис. 44, 5, 6].

Скифское направление связей проявилось в Кырык-Обе и Лебедевке. В первом – в качестве этнокультурных маркеров выступают южная ориентировка скелетов, дромосные могилы*, а также конские нащечники, получившие широкое распространение в Скифии [Ильинская, 1968]; во втором – скифскими культурными “индикаторами” являются бронзовое зеркало с зооморфным украшением рукояти, золотые подвески и нашивные бляшки в виде голов оленей.

Объяснить этнокультурную мозаику взаимовлиянием невозможно по той причине, что в предшествующее время в Южном Приуралье население фактически отсутствовало и культура складывалась в результате слияния нескольких этнокультурных составляющих. В рассматриваемый момент в регионе было три крупных массива: “скифский”, “массагетский” и “савроматский”. Материалы настоящих раскопок говорят о том, что основные признаки прохоровской культуры** появляются в курганах воинско-жреческой кочевой элиты (причем в тесной увязке друг с другом) уже на рубеже VI–V вв. до н.э. Археологические данные находят подтверждение в антропологическом материале. Так, Р.М. Юсупов сделал важный вывод об отсутствии преемственности между кочевниками Южного Урала савроматского времени и населением предшествующей эпохи и указал на наличие сакского компонента среди номадов исследуемого региона [1991, с. 4–5; 1993, с. 127]. Эту точку зрения разделяет и Л.Т. Яблонский. Он обратил внимание, во-первых, на антропологическую неоднородность, а во-вторых, на особый

*Элементы, присущие погребениям воинской верхушки Псусулья первой половины VI в. до н.э. в лесостепной Украине [Ильинская, 1968].

**К числу таковых М.Г. Мошковой отнесены: меридиональная ориентировка могил, ориентация погребенных головой на юг, могилы прямоугольной формы, подбойные, с “заплечиками”, посыпка дна мелом или белой глиной [1974, с. 11].

социальный статус населения VI–V вв. до н.э., оставившего могильник Покровка-2, который имеет черты, характерные для погребений населения Казахстана и Средней Азии [2000].

Рассмотренные памятники находятся на значительном удалении от этих регионов в окружении других этнокультурных массивов. Так, достаточно сильное приаральское влияние на территории Уральского левобережья наблюдается в курганах у оз. Челкар, в то же время в материалах могильников Алебастрово [Железчиков, 1998], Увак и Танаберген (среднее течение Илека) имеются параллели с савроматской (блюменфельдской) культурой Нижнего Поволжья, а в материалах памятников верховьев Илека (Бесоба, Сынтас) [Кадырбаев, 1984] и Ори (Новокумакский, Новоорский, Уркач) [Смирнов, 1977] – среднеазиатские аналоги. Таким образом, этнокультурная карта Южного Приуралья в конце VI – V в. до н.э. представляла собой мозаику, что можно связывать с процессом завоевания и освоения кочевниками новых земель. Пример подобного рода – улусная система Чингисхана, в результате создания которой старые племена дробились и формировались новые этнополитические союзы.

Надо учитывать, что в ходе миграций на характер развития культуры влияют различные факторы. Разрыв старых связей и установление новых, выход из старой системы отношений, перемена природной и социальной среды, ослабление старых норм и авторитетов – все это порождало резкую перестройку культуры пришельцев. Кроме того, состав мигрантов и несомой ими культуры обычно не идентичен тому, что был на родине: 1) очень часто мигрирует не все общество, а какая-то группа, представляющая не пропорциональный срез всех его слоев, а один сегмент (например, молодые мужчины – воины); 2) исходные очаги компонентов культуры пришлого населения нередко оказываются в различных местах – ее корни расходятся в разные стороны [Клейн, 1973].

Возможно, аналогичная ситуация сложилась в Южном Приуралье к середине VI в. до н.э. К этому времени относятся погребения со стабильными обрядом и инвентарем, характерными для раннескифских памятников Восточной Европы. Появление таких захоронений к середине VI в. до н.э. на Илеке*, а также в Зауралье** можно связывать с возвращением скифов из Передней Азии и повторным освоением ими евразийских степей. Этому есть следующие обоснования:

*Могильник Целинный I, кург. 59 [Гуцалов, 1998], Покровка-2, кург. 19, погр. 1 [Яблонский и др., 1994].

**Курганы Ивановские [Пшеничнюк, 1983], Большой Клиновский [Таиров, 1987].

1) для указанных курганов характерны черты погребальной архитектуры и ритуала скотоводов лесостепной Украины и предгорий Северного Кавказа, а именно столбовые конструкции, возведенные над дромосными и катакомбными могилами, и южная ориентировка погребенных;

2) с конца VI в. до н.э. широкое распространение имеют предметы материальной культуры, производные от скифских. Это преимущественно предметы вооружения и конской узды. Бронзовые втульчатые наконечники стрел, характерные для погребений лесостепного Приднепровья и Северного Кавказа VII–VI вв. до н.э., представлены в ранних комплексах исследуемого региона не единичными экземплярами, а десятками [Гуцалов, 1998]. Некоторые из них, по-видимому, появились в результате контактов со скифами (впрочем, как и мечи, и кинжалы) [Гуцалов, 2004]. Скифские узды [Смирнов, 1961, с. 77] подчеркивают конские налобники и нащечники в курганах воинской знати с середины VI в. до н.э.;

3) присутствие скифов подтверждается распространением с VI в. до н.э. на Южном Урале каменных антропоморфных изображений. Изваяния, открытые за последнее десятилетие в регионе, имеют самые близкие аналоги среди скифской каменной скульптуры [Гуцалов, Таиров, 2000]. Зафиксирован обряд погребения статуй [Гуцалов, Боталов, 1999], имеющий параллели в погребальной практике скифов Украины.

Вероятно, ядром кочевого союза, представленного в археологических материалах прохоровской культурой, были скифы, которые раньше всех вторглись в Южное Приуралье и идеологически доминировали в новом объединении. Кроме того, нельзя забывать об их значительном воинском потенциале – они сами по себе представляли грозную силу, но еще более внушительные объединения родственных племен находились в Северном Причерноморье.

Отчетливое проявление в курганах Южного Приуралья рубежа VI–V вв. до н.э. сакских культурных параллелей позволяет предположить, что в конце VI в. до н.э. в южно-уральский союз была инкорпорирована большая группа кочевников Приаралья. Их появление здесь следует рассматривать как результат войн Кира II и Дария I с “массагетами Геродота” (“сака-тиграхуда” древнеперсидских надписей) [Пьянков, 1964, 1975] в конце VI в. до н.э. [Таиров, 1999]. Элитарный характер курганов, в которых прослеживаются приаральские параллели, позволяет высказать предположение, что массагеты, наряду со скифами, составили элиту племенного союза.

Вокруг “царского” некрополя Кырык-Оба возводились усыпальницы видных представителей кочевого общества всего региона. Функциониро-

вание этих древних кладбищ прекратилось в конце V в. до н.э. Материалы рассмотренных курганов показывают тенденцию формирования прохоровской культуры Южного Приуралья на первом этапе, когда ее основополагающие черты были присущи кочевой знати.

Список литературы

- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины р. Или. – Алма-Ата: Наука Каз.ССР, 1963. – 320 с.
- Вишневская О.А.** Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгара-ка) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – 1973. – Т. 8. – 160 с.
- Граков Б.Н.** Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100–121.
- Грязнов М.П.** Курган как архитектурный памятник // Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. – М., 1961. – С. 22–25.
- Грязнов М.П.** Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
- Гуцалов С.Ю.** Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбургья. – 1998. – Вып. 2. – С. 127–136.
- Гуцалов С.Ю.** Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. – Уральск: [Б.и.], 2004. – 136 с.
- Гуцалов С.Ю., Боталов С.Г.** Скифское святилище Елантау // Изв. Челяб. науч. центра Урал. отд-ния РАН. – 1999. – Вып. 3. – С. 69–71.
- Гуцалов С.Ю., Таиров А.Д.** Стёлы и антропоморфные изваяния раннего железного века южноуральских степей // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. – М.: Наука, 2000. – С. 226–251.
- Джубанов А.А.** Останки собаки из могильника Кырык-Оба // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск: [Б.и.], 2004. – Вып. 2. – С. 329–333.
- Железчиков Б.Ф.** Археологические памятники Уральской области. – Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 1988. – 134 с.
- Ильинская В.А.** Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). – Киев: Наук. думка, 1968. – 268 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.** Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагисен). – М.: РОССПЭН, 1997. – 187 с.
- Кадырбаев М.К.** Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84–93.
- Клейн Л.С.** Археологические признаки миграций (IX Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. Чикаго, 1973 г.: Докл. сов. делегации). – М., 1973. – 17 с.
- Курманкулов Ж.К., Ишангали С.К., Раймкулов Б.Т.** Исследования курганных отряда № 2 УКАЭ в 2001 г. на могильнике Крык-Оба-2 // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск, 2002. – Вып. 1. – С. 87–92.
- Мошкова М.Г.** Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 52 с.

- Мошкова М.Г., Кушаев Г.В.** Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 258–268.
- Очир-Горяева М.А.** Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI–IV вв. до н.э. // Археологические исследования в Калмыкии. – Элиста: [Б.и.], 1987. – С. 35–53.
- Пшеничнюк А.Х.** Культура ранних кочевников Южного Урала. – М.: Наука, 1983. – 200 с.
- Пшеничнюк А.Х.** Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа: Гилем, 1995. – С. 62–96.
- Пьянков И.В.** К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов // ВДИ. – 1964. – № 3. – С. 115–130.
- Пьянков И.В.** Массагеты Геродота // ВДИ. – 1975. – № 2. – С. 46–70.
- Сдыков М.Н., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А.** Сохранившаяся культура скифов Западного Казахстана. – Уральск: [Б.и.], 2003. – 124 с.
- Смирнов К.Ф.** Вооружение савроматов // МИА. – 1961. – № 101. – 162 с.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы: Ранняя история и культура сармат. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Смирнов К.Ф.** Орские курганы ранних кочевников // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа: Башкир. фил. АН СССР, 1977. – С. 3–51.
- Смирнов К.Ф.** Савроматская и раннесарматская культуры // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 165–177.
- Таиров А.Д.** Большой Климовский курган // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. – Омск, 1987. – С. 123–125.
- Таиров А.Д.** Генезис раннесарматской культуры Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. – 1998. – Вып. 2. – С. 87–96.
- Таиров А.Д.** Средняя Азия во второй половине VI в. до н.э. и кочевой мир Южного Урала // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 173–175.
- Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г.** К вопросу о формировании раннесарматской прохоровской культуры // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. – Челябинск: Башкир. гос. ун-т, 1988. – С. 141–159.
- Юсупов Р.М.** Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. – Препр. – Уфа: [Б.и.], 1991. – 35 с.
- Юсупов Р.М.** Южный Урал и Восток: Древность и современность в антропологии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. – Уфа, 1993. – С. 127–128.
- Яблонский Л.Т.** Антропологические аспекты формирования раннесарматской культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Мат-лы IV Междунар. конф. “Проблемы сарматской археологии и истории”. – Вып. 1. – Самара: Изд-во Самар. науч. центра РАН, 2000. – С. 29–40.
- Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л.** Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. – М.: Ин-т археологии РАН, 1994. – Вып. 1. – С. 4–59.

Материал поступил в редколлегию 26.12.05 г.